

91/0901
1 - 47

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

П.П. СЕМЕНОВ-
ТЯН-ШАНСКИЙ

ГЕОГРАФИЗ · 1957

31/090
1-17
Н. И. ЛЕОНОВ

Петр Петрович
СЕМЕНОВ-
ТЯН-ШАНСКИЙ

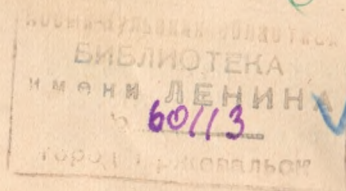
*(к столетию первого путешествия
в Тянь-Шань в 1856 и 1857 гг.)*

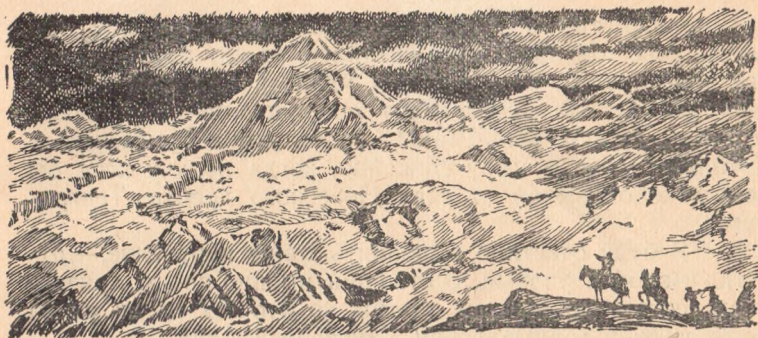
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1957

П. П. Семенов-Тянь-Шанский

ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЮ

Молодой русский географ Петр Петрович Семенов, находясь в 1853 году в Берлине, получил приглашение от знаменитого ученого Александра Гумбольдта. Гумбольдт (по-французски) писал: «Я буду очень рад видеть господина Петра Семенова и обсудить с ним проект научного путешествия». П. П. Семенов еще в Петербурге мечтал о возможной встрече с корифеем науки, прославленным исследователем и путешественником.

В назначенное время молодой человек приехал к Гумбольдту. Навстречу вышел, вспоминает Семенов, «небольшого роста, худой сгорбленный старик (Гумбольдту было в то время 84 года!), с поникшей головою, с высоким, но несколько узким лбом, с седыми, довольно редкими волосами и необыкновенно умным и тонким выражением продолговатого лица».

— Вы собираетесь проникнуть, как я слышал, во Внутреннюю Азию? — спросил Гумбольдт Семенова.

Молодой человек ответил утвердительно.

Не скрою от Вас моих сомнений, — сказал Гумбольдт, — едва ли Вам, господин Семенов, удастся туда проникнуть.

— Меня манит Тянь-Шань, на который еще не ступала нога европейского путешественника, и я надеюсь... — ответил Семенов.

— Достижение Тянь-Шаня, — продолжал Гумбольдт, — одна из важнейших очередных задач науки. Даже бег-

дое знакомство с Небесным хребтом, о котором мы знаем, увы, только со слов китайцев, может иметь огромное значение. О, если бы Вам удалось привезти оттуда хотя бы несколько образцов тех вулканических пород, которые слагают Тянь-Шань! — воскликнул Гумбольдт. — Я только тогда и умру спокойно, когда получу хотя бы несколько обломков от скал Небесного хребта, Тенгри-Тага...

— Я буду счастлив выполнить Ваше поручение, — ответил молодой ученый, считавший именно своим призванием, своим священным долгом во что бы то ни стало пробраться в горные дебри Внутренней Азии.

Маститый ученый благословил русского смельчака на трудный подвиг во имя науки.

Напутствовал Семенова на опасное путешествие и другой знаменитый в то время географ — Карл Риттер, автор многотомного описания Азии.

О впечатлении, какое в те времена производило замечательное в своем роде сочинение Риттера, можно судить по словам современника Семенова — Н. Я. Ханыкова: «Мало в литературе книг, которые возбуждали бы в душе читателя такой пыл к ученой деятельности, как Риттера Азия...»

После многолетней кропотливой работы К. Риттеру удалось дать исчерпывающую для того времени сводку всех сведений об Азии. В своих книгах он подвел итоги того, что было известно в науке о величайшем из материков. Труд Риттера был в первой половине XIX века настольной книгой всех путешественников.

Однако именно в свете сделанных Риттером обобщений еще отчетливее, заметнее стали зияющие пробелы в описании Азии.

Семенов лучше, чем кто-либо другой, знал, что в книге Риттера было много пробелов, а многое в капитальном труде немецкого географа устарело, ибо Семенов по поручению Географического общества с 1850 года уже работал над переводом Риттеровой «Азии». Но работал он не только как простой переводчик: Русское географическое общество взяло на себя труд дополнить и внести исправления в новое издание книги Риттера на основании тех сведений о сопредельных с Россией странах, которые накопились в России за последние двадцать лет (с 1832 года, т. е. с момента выхода книги Риттера в свет).

И, надо отдать должное Карлу Риттеру, он, как настоящий ученый, которому всего дороже научная истина, а не личный успех, весьма радушно встретил молодого Семенова, своего переводчика и... соперника.

Убедившись при личном знакомстве в глубоких познаниях Семенова, Риттер охотно рекомендовал всем обращаться к русскому географу, который по ряду вопросов, как признавал немецкий ученый, обладал более обширными, а главное, и более свежими, более точными знаниями, чем он, Риттер.

В общении с двумя крупнейшими знатоками Центральной Азии, решение Семенова не только окрепло, но и превратилось в определенный план полевых исследований.

К предстоящему путешествию Семенов готовился, не щадя ни сил, ни времени. Все помыслы его сосредоточены были в то время на достижении своей цели.

«Когда с человеком случаются какие-нибудь жизненные катастрофы, отнюдь не следует впадать в уныние; надо зрело обдумать сложившиеся обстоятельства, поставить точку и сказать: отсюда начинается новая фаза жизни», — говорил впоследствии Петр Петрович, вспоминая себя в эти годы подготовки к путешествию (1853—1855).

Жизненной катастрофой для молодого ученого была смерть любимой им жены. От нервного потрясения, вызванного известием о неизлечимом ее недуге, Семенов и сам едва не умер. Но, пережив свое огромное личное горе, Семенов нашел в себе силы «обдумать сложившиеся обстоятельства» и «поставить точку». Внучка путешественника В. Д. Семенова-Тянь-Шанская (очевидно, со слов своего деда) пишет так: «Ему (П. П. Семенову) после кончины жены жизнь казалась конченой... Но возникла мысль: если жизнь себе кажется ненужной, то расстаться с ней можно для пользы науки, отечества...»

Отсюда и началась «новая фаза жизни» — подготовка к труднейшему путешествию, к осуществлению смелого, до дерзости, замысла. А путешествие в Тянь-Шань, загадочный, неведомый, действительно было в те времена более чем рискованным: недаром оба великих старика, благословивших Семенова на подвиг, им избранный, в раздумье качали головами...

Готовясь к трудному путешествию, Семенов стремился не только пополнить свои теоретические знания слушанием лекций в Берлинском университете («по строго продуманному плану»), но и приобрести опыт полевых наблюдений.

С этой целью Семенов едет в Швейцарию, подымается в горы, восходит на ледники: все, все это ему пригодится впоследствии как исследователю гигантских горных хребтов Внутренней Азии.

Из Швейцарии Семенов направляется в Италию: его влекут Везувий и Флегрейские поля, ибо начертанная Гумбольдтом схема Нагорной Азии основана на представлении о чрезвычайно развитом в этой части света вулканизме. Правда, к тому времени русский ученый Шренк, посетивший озеро Ала-Куль (один из «вулканических» районов Гумбольдта), уже доказал, что в районе этого озера вулканических явлений нет и в помине. Но авторитет Гумбольдта был тогда так велик! Старик не сомневался в своей правоте и мечтал, что Семенов привезет ему из Тянь-Шаня кусок вулканического туфа. Во всяком случае надо поглубже изучить вулканические области Италии, чтобы разобраться получше там, в Азии. . . — думал Семенов. Шестнадцать раз подымался молодой исследователь на Везувий, наблюдал извержение знаменитого вулкана и превосходно описал это грандиозное явление природы.

Прочтите статью Семенова «О вулканических явлениях во Внутренней Азии», напечатанную им незадолго до своего путешествия в Азию. Вы убедитесь в том, что статья популяризирует идею Гумбольдта. Молодой Семенов до путешествия — верный последователь великого Гумбольдта. Правда, молодой географ и тогда уже не поддерживал схемы немецкого ученого в целом. Однако Тянь-Шань и сам Семенов готов был считать горной страной вулканического происхождения — настолько довлел над ним тогда авторитет Гумбольдта.

Все, что можно было узнать о Внутренней Азии в те годы, Семенов знал, как никто. Но много ли знали ученые о тех районах Азии, куда решил проникнуть пылкий русский исследователь?

Один из лучших знатоков Средней Азии, И. В. Мушкетов, называет существовавшее (до путешествий П. П. Семенова, Н. А. Северцова, А. П. Федченко) представление

«о Туркестане и особенно о его горной части» — «уродливым». Он писал, что достаточно взглянуть на карту Азии того времени, чтобы «убедиться почти в полном незнании и непонимании пластики Туркестана». Да и могло ли быть иначе, поскольку едва ли не лучшим источником сведений о Небесных горах (т. е. о Тянь-Шане) были сведения, записанные со слов буддийского монаха Сюань Цзана и относящиеся к... седьмому веку нашей эры?

А Сюань Цзан о Тянь-Шане рассказывал так: «С начала мира снега, здесь накопившиеся, обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельность и сливаются с облаками».

Семь дней шел через ледяные кручи Тянь-Шаня караван монаха-буддиста; несколько спутников его погибли в горах. Сюань Цзан все же пересек Небесные горы и вышел в котловину Теплого моря (Иссык-Куля).

О горном озере Сюань Цзан рассказывал так: «Озеро растянуто от востока к западу, а сужено от юга к северу, со всех четырех сторон окружено высокими горами и принимает множество речек. Вода его имеет зеленовато-темный цвет и несколько солоноватый и горьковатый вкус. Иногда воды его расстилаются в гладких обширных поверхностях, иногда же бушуют и пенятся волны с неизменной силой. Драконы и рыбы живут совместно в озере».

Как видите, сведения Сюань Цзана не отличаются особой полнотой. Однако эти сведения, по словам А. Н. Краснова (1888), последователя П. П. Семенова, были «первым и единственным источником, заслуживающим доверия и подробно характеризующим природу страны».

Обратите внимание на эти слова А. П. Краснова: он называет сведения Сюань Цзана не только первым, но и единственно заслуживающим доверия источником сведений о странах, остававшихся для европейской науки до второй половины XIX века «загадочными» и «неведомыми».

А что можно было добавить к наследию Сюань Цзана?

Пожалуй, некоторое количество отрывочных данных из других китайских же источников. Правда, в XVIII веке европейские миссионеры иезуиты произвели в районе

Иссык-Куля определен астрономический пункт, но они не оставили никаких описаний посещенных ими районов.

В районе Иссык-Куля в 1722—1724 годах побывал капитан Иван Унковский, что ездил послом к джунгарскому князю Цеван Рабтану, но в путевом журнале Унковского отмечались лишь перекочевки по долинам рек Тюпа и Джергалана. Никаких описаний в журнале нет.

Лишь за пять лет до путешествия П. П. Семенова в «Записках» Географического общества появилась статья-сводка, составленная на основании данных, собранных канцелярией генерал-губернатора Западной Сибири («Сведения о дикокаменных киргизах»). В этой сводке имелись сведения об озере, о речной сети Иссык-Кульской котловины, о киргизских племенах, ее населяющих, кое-что и о Чуйской долине. Наличие этой статьи несколько не умаляет заслуг П. П. Семенова, но почему-то статья эта замалчивается его биографами. Вне всякого сомнения, П. П. Семенов статьей этой пользовался, как пользовался он и рукописными материалами, хранившимися в Омском архиве. Сведения эти, несомненно, помогли ему ориентироваться во многом во время его поездок из Верного в котловину Иссык-Куля в 1856 году. Но о тех Небесных горах, которые вздымались к югу от Иссык-Кульской котловины, имевшиеся сведения (до путешествий П. П. Семенова) «если и не равнялись нулю,— по меткому выражению Г. Е. Грумм-Гржимайло,— то были (поистине!) ничтожны».

О СОБЫТИЯХ ТЕХ ЛЕТ

Но основные трудности, стоявшие на опасном пути к загадочному Тянь-Шаню, заключались вовсе не в том, что в распоряжении Семенова не было карт и точных сведений о неисследованных странах. Такова участь всех первоисследователей.

Главные опасности таились в той исторической обстановке, в условиях которой П. П. Семенов предпринял свое путешествие.

Прежде всего надо вспомнить, что молодой географ, решив во чтобы то ни стало достигнуть Небесных гор, не смел об этом открыто заявить даже в Географическом обществе.

«Не только выставить на первый план желание мое проникнуть в Тянь-Шань, но даже вообще сообщать кому бы то ни было о моей твердой решимости проникнуть туда, было бы с моей стороны крупной ошибкой...», вспоминал Семенов.

Понять эти слова мы сможем, если припомним, что в феврале 1856 года шли переговоры о заключении мира после неудачной, проигранной Россией, Крымской войны. Европейские державы — Англия и Франция, союзники Турции, ревниво следили за всеми действиями русских в Азии. Любое проникновение русских экспедиционных отрядов за установленные рубежи могло повести к различного рода осложнениям. Можно сказать, что вся международная обстановка тех лет была против планов Семенова. На какую-либо поддержку рассчитывать не приходилось — смелый замысел надо было осуществлять, действуя на свой страх и риск.

Но опасности путешествия крылись не только в напряженности международных отношений. Семенову угрожала непосредственная опасность быть убитым, или, что, может быть, хуже того, взятым в плен и подвергнутым подозрительными азиатскими властями мучительным пыткам и позорной казни. Именно в эти годы (в 1857 г.) в Кашгаре был обезглавлен Адольф Шлагинтвейт, товарищ Семенова по Берлинскому университету, а годом позднее (в 1858 году) Н. А. Северцов, раненный в стычке, попал в плен к кокандцам.

Семенову же предстояло проникнуть в незамиренные земли киргизских племен — богинцев и сарыбагишей, которые в те годы непрестанно враждовали между собою.

Одни из них — богинцы — считали себя подданными китайского императора, а другие — сарыбагиши — подданными кокандского хана. Китайцы и кокандцы также соперничали друг с другом в те времена в районах, прилегающих к Центральному Тянь-Шаню. И китайцы, и кокандцы не могли не относиться враждебно к продвижению русских, к проникновению любого русского на территорию племен, за обладание которой враждовали соседи.

В те годы Иссык-Кульская котловина представляла собою kloкочущий котел, в котором бушевали кровавые распри, — более сильные сарыбагиши стремились к полному уничтожению своих кровных врагов — богинцев.

Поскольку богинцы в ту пору уже склонялись к мысли

отдаться под защиту России (ибо китайский император был далеко и ничем им помочь не мог), постольку русские отряды стали появляться время от времени в Прииссык-кулье. Несколько ниже мы расскажем, во что иной раз обходилось такое вмешательство в междоусобные распри «дикокаменных», как их тогда называли, киргизов.

Пустившись в свое трудное путешествие через Алтай и Киргизские (казахские) степи, Семенов избрал укрепление Верное в качестве опорного пункта для своих рекогносцировок в Тянь-Шань.

Верное (основано в 1854 году, т. е. всего за два года до приезда в него П. П. Семенова) было последним форпостом русских, присоединивших к России в эти годы обширные степи Заилийского края. Перешагнув реку Или, русские остановились у подножия Заилийского Алатау, передовой цепи Тянь-Шаня. Отсюда они и делали вылазки в котловину Иссык-Куля.

Чтобы понять ту обстановку, в которой возникали первые русские укрепления в степи, подобные Верному, я приведу несколько строк из красочных рассказов участника этого продвижения русских в необозримые степи Азии:

«Вначале была... степь. По ней шел солдат и были войны. Потом сказали солдату: «Сядь тут, окопайся, живи!». Солдат окопался и сел. И стало укрепление. Стали жить люди за низеньким земляным валом и начали строить себе жилища. Разбили они живо на разграфленном четырехугольнике казарму, склад, командирский дом, канцелярию.

Крохотный земляной вал, окопанный рвом, вооружен медными настоящими пушками. Никакому киргизскому воинству не разбить этот вал, не устоять против полевого орудия. Везде, где требуется, стоят часовые. Внутри — ...офицеры и солдаты. Военная крепость...»

Иначе и нельзя. Ведь как только кокандцы прознали про стройку укрепления Верного, они собрали большие силы (по некоторым сведениям, в 1855 году к Верному подступал отряд кокандцев численностью в 90 000 человек!), думая помешать русским.

Летом 1856 года в Верном появились первые русские поселенцы-крестьяне. И в этом же году было открыто почтовое сообщение с Заилийским краем. На почтовой-то тройке в конце августа 1856 года и подъезжал к Верному молодой, энергичный, отважный путешественник.

«Кругом степь,— вспоминает современник¹. — ...сжала маленькое поселение, сдавила... оторвала ото всего света. И стоит городок кружочком на карте... Это уже не бивак, не переходное положение, а прочное житье, постоянное местопребывание».

В тот вечер, когда Семенов впервые подъезжал к Верному (был день именин царя — 30 августа), вид у городка был необычный — «фасады немногих достроенных и многих недостроенных домиков были украшены шкаликами². Площадь оживлялась военной музыкой и звуками русских песен. Огненные скелеты будущих домов (будучи иллюминированы! — *Н. Л.*) обозначали их будущую архитектуру. Это был какой-то сказочный город...».

Огни иллюминации были, конечно, издали видны кочевникам, и степное «радио» («длинное ухо») из уст в уста разносило молву о растущем не по дням, а по часам русском городе. Широко разливалась молва о русской мощи не только по Заилийскому краю, но проникала и в Чуйскую долину, и в Прииссыккулье. И это было выгодно.

На другой день, утром, как вспоминает Семенов, города не оказалось. Была одна длинная деревянная казарма, фундамент церкви, чистенький домик пристава Большой орды (так именовался «начальник» Заилийского края) и немного только что отстроенных домиков наиболее зажиточных казаков. Все же остальное население, превышавшее 2500 человек, ютилось близ груд наваленных бревен.

Вот чем было в 1856 году укрепление Верное, исходный опорный пункт всех путешествий Петра Петровича в Тянь-Шань.

Все население такого «городка» жило одной напряженной жизнью, ибо все по существу были представлены самим себе, жили лицом к лицу со степью. Откуда-то порою приходили мирные караваны купцов, а порой налетали на окрестные пастбища многочисленные шайки степных грабителей, которые угоняли скот и у русских, и у казахов Большой орды, уже признавших покровительство России.

А в ответ на эти грабежи из Верного в степь и за горы выступали русские отряды, имевшие целью показать, что

¹ Д. Л. Иванов (см. ниже «Источники»).

² В шкаликах было налито масло. Фитили, пропитанные маслом, ярко горели,

грабежи и дерзкие налеты не останутся безнаказанными. В таких-то условиях всякий русский человек, в том числе и ученый наш путешественник, не мог не встать в ряды защитников оседлости.

ПУТЕШЕСТВИЕ 1856 ГОДА

Хоментовский, начальник Заилийского края (он же пристав Большой орды), радушно принял Семенова (да и можно ли было в те времена не обрадоваться приезду любого нового человека в Верное!).

Семенов сказал Хоментовскому, что он рассчитывает на «содействие местных властей», на его, Хоментовского, помощь в осуществлении своих научных замыслов.

«Начальник края» (надо отдать ему должное) выразил полную готовность помочь и сказал:

— В Прииссыккулье в этом году идут непрерывные кровавые распри. Перевес на стороне более многочисленных сарыбагишей. Богинцы, разбитые ими, бежали с восточных берегов Иссык-Куля поближе к китайской границе. Поэтому сейчас на восточном берегу озера вы едва ли кого-либо встретите. Да, пожалуй, это для вас и лучше — организованного сопротивления вам не окажут. Но, предупреждаю, вы, конечно, можете натолкнуться на баранту, т. е. на шайку грабителей, хочу сказать... Большого конвоя, к сожалению, я вам дать не смогу, дам десяток казаков, не больше. Ну, и пару проводников-киргизов. Это вас не пугает?

Семенов просил лишь об одном — поскорее снарядить его в путь. Через два дня по приезде в Верное Семенов двинулся к Иссык-Кулю.

Медлить в Верном было невозможно — приближалась осень.

2 (14) сентября 1856 года П. П. Семенов выступил из укрепления в сопровождении десяти казаков, слуги-крепостного и двух киргизов (казахов). Маршрут путешественника шел вдоль северного склона Заилийского хребта, пересекая поперечные долины рек Талгара, Иссыка, Тургеня, переваливал в долину Асы-су, затем шел к р. Дженишке и р. Чилику, а за Чиликом выходил на плоскогорье Уч-Мерке. С этого плоскогорья Семенов впервые увидел далекие снежные цепи Тянь-Шаня. Через горный проход

Табульгаты отряд Семенова вышел в Иссык-Кульскую котловину.

«Во время нашего спуска,— вспоминает П. П. Семенов,— я мог постоянно наслаждаться панорамой всего Тянь-Шаня между меридианом знаменитого Мусартского горного прохода и западной оконечностью озера Иссык-Куля».

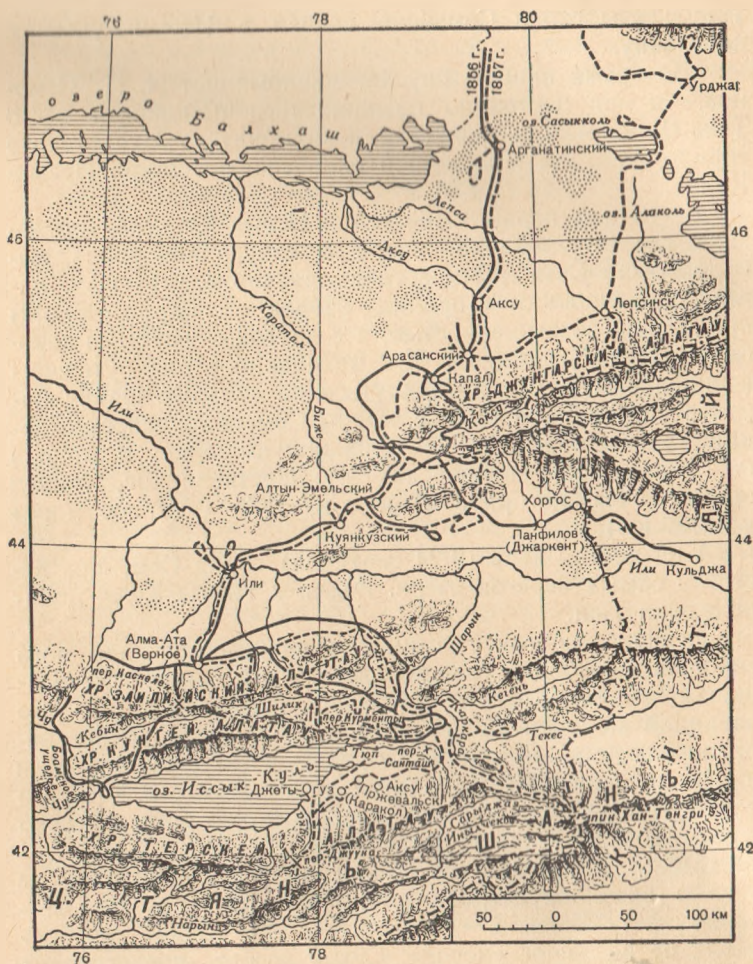
Место для первого ночлега в Иссык-Кульской котловине, где еще недавно кипела междоусобная война, выбрано было Семеновым с таким расчетом, чтобы его лагерь был укрыт от сторонних взоров — с одной стороны предгорной возвышенностью, а с другой — лесными зарослями. Нельзя забывать, что маленький отряд путешественника всегда мог натолкнуться на сильную шайку баранчей. Разбив в ущелье лагерь, Семенов в сопровождении казака поднялся на ближайшую сопку, и отсюда он, первый из европейских путешественников, увидел огромное высокогорное озеро «Же-хай» («Теплое море» у китайцев).

А на другой день (9/24 сентября) отряд Семенова достиг и самых берегов озера. Ехали к Иссык-Кулю долиною реки Тюп.

На вопрос о том, где именно впервые ступила нога европейца на берег Теплого озера, мы с полной уверенностью можем ответить: на берегу Тюпского залива. До западной же оконечности полуострова Сухой хребет караван Семенова не мог бы добраться за те часы, что были в его распоряжении. Да и самое описание места, которого достиг П. П. Семенов в этот день, не может быть отнесено к западной оконечности полуострова.

«Место, в котором мы вышли на озеро, вдавалось в него в виде полуострова, или, лучше сказать, косы,— вспоминает Семенов.— Полуостров же «Сухой хребет» никак не назовешь «косой». Сухой хребет представляет собою довольно высокую антиклинальную складку, в логах которой укрыться, конечно, можно было бы без труда, и во всяком случае лагерь на Сухом хребте не мог быть виден «с обоих побережий Иссык-Куля».

Бивак же на песчаной косе был неудобен. Огни костров могли быть видны отовсюду. Отрезать отряд, на косе было бы слишком легко, а о приходе небольшой кучки русских на Иссык-Куль могли бы знать киргизы, потому что коутру издали показывался всадник... В долине было

Путешествия П. П. Семенова в Джунгарском Алатау
и Тянь-Шане

неспокойно: на пути (в долине Тюпа) в большом количестве встречались разорванные юрты. Весною здесь происходили побоища между киргизскими племенами — богишцами и сарыбагишами. Проезжие могли заметить русский бивак. Поэтому Семенов решил не оставаться на ночь на берегу, а идти назад к ущелью, где и заночевать,

На картосхемах путь Семенова обычно прокладывается таким образом, что путешественник якобы достиг Сухого хребта и находился 9 (21) сентября на западной оконечности этого полуострова. Повторив в 1955 году весь путь Семенова от перевала Табульгаты до озера (и действительно пересекши полуостров, отделяющий залив Тюпский от залива Джиргалаанского), мы пришли к убеждению, что Семенов в 1856 году ступил на берега Иссык-Куля на одном из мысов (кос) Тюпского залива, а не на западном мысу Сухого хребта. Нам ведь известно, что П. П. Семенов выступил из лагеря на Табульга-су в 7 часов утра, а берегов озера достиг к 4 часам дня¹ и в тот же день возвратился ночью в свой прежний лагерь на Табульга-су. От Табульга-су до Тюпского залива не менее 50 километров, а до западной оконечности Сухого хребта значительно дальше (километров на 20!). Простой подсчет показывает, что за один день проделать маршрут, указываемый на картосхемах, невозможно. Семенов же при отсутствии у него карты в 1857 году не мог точно указать места на побережье, которого он впервые достиг в прошлом, 1856 году.

Впрочем, у нас имеется и прямое указание самого Семенова на то, где его нога впервые вступила на песчаные иссыккульские берега. В одной из статей, написанной почти за четверть века до составления «Мемуаров», П. П. Семенов писал:

«С Санташа я ... достиг беспрепятственно берегов Иссык-Куля... близ того места, где, по рассказам киргизов, при низком стоянии воды торчат из нее развалины древнего, по всей вероятности, усуньского города «Красной долины» (4, стр. 347. Разрядка моя — Н. Л.). Эти слова не оставляют уже никакого сомнения в том, что Семенов впервые «прикоснулся к солоноватым волнам» озера именно близ устья Тюпа, где и находился этот древний город.

О задачах своей первой «экскурсии» к берегам озера Семенов с присущей ему скромностью пишет:

«Достаточно было на этот раз прикоснуться к солоноватой волне Иссык-Куля и увидеть за ним всю величественную панораму Небесного хребта» (4, стр. 347—348).

¹ В рукописном дневнике сказано, что в 4 часа пополудни путешественники двинулись от озера обратно, что достовернее. Следовательно, к озеру вышли часа в два дня.

Однако в тот же день он принял решение добратся и до западной оконечности озера с тем, чтобы уяснить себе соотношение реки Чу и Иссык-Куля. Свидетельства случайных путников противоречили тому, что утверждал Карл Риттер.

СНОВА К БЕРЕГАМ ИССЫК-КУЛЯ

Первая вылазка Семенова к восточным берегам Иссык-Куля отняла у него две недели (с 2 по 16 сентября), причем на озере путешественник провел всего лишь 2—3 часа. А через пять дней по возвращении в Верное П. П. Семенов с отрядом, состоявшим из неполной сотни казаков (40 человек) и нескольких киргизских проводников, вновь двинулся к Иссык-Кулю, но теперь уже к западным его берегам.

Перевалом Кастек отряд спустился в Чуйскую долину. Трудности продвижения заключались в том, что отряд Семенова должен был пройти незамеченным (со стороны кокандских сторожевых постов) в «дикое Буамское ущелье». В те времена верховая тропа то спускалась к бурной реке, то поднималась на обрывистые кручи ущелья. Но дело было, конечно, не в трудностях самой дороги, а в том, что отряд Семенова мог ежечасно подвергнуться нападению враждебных России сарыбагишей.

«Страшным» Боамское (или Буамское, как пишет П. П. Семенов) ущелье было не столько, конечно, в силу трудности бродов через реку или крутизны спусков к реке, сколько в силу той тревожной обстановки, в которой пришлось странствовать Семенову сто лет тому назад. «Ночь, проведенная мной в Буамском ущелье,— вспоминал он через полвека,— была едва ли не самой тревожной в моей жизни».

В наши дни через «страшное» Боамское ущелье днем и ночью мчатся автомашины по шоссейной дороге, а рядом с шоссе у самой реки, или, наоборот, высоко, над шоссейной дорогой, под крутыми скалами, идут поезда. Самая возможность прокладки параллельных путей — автомобильного и железнодорожного — по ущелью (причем нет ни одного туннеля!) показывает, что не так-то уже «страшны» были Боамские теснины и сто лет тому назад. Но ежечасная возможность нападения сарыбагишей, которые враждовали с богинцами, в то время уже склонявшимися

к принятию русского подданства, создавала то ощущение подстерегающей из-за каждого поворота, из-за каждого скального выступа опасности, которое полностью оправдывает в устах Семенова наименование ущелья «страшным».

Ведь в тот же год на перевале Кастек (т. е. на тех же тропах) в июне 1856 года сарыбагиши напали на русский отряд Соловцова. «Воображению сопровождавших меня казаков,— писал впоследствии Семенов,— живо представлялись картины каракиргизской мстительности».

Можно ли было быть уверенным в том, что происшедшее в июне не повторится в сентябре? Да и путешествие самого Семенова проходило беспокойно: в первый же день пути поблизости от Верного барантачи-сарыбагиши напали на караван кокандских купцов, шедший в Верное. Казаки Семенова вступились за караван, разогнали грабителей и преследовали их, покуда бежавшие не «зажгли сухую степь», чтобы остановить преследователей.

Чуйскую долину прошли беспрепятственно и вошли в Боамское ущелье, но ночью путникам «при блеске молний» и «фантастическом свете луны» «Буамское ущелье *показалось* (курсив мой.— Н. Л.) чрезвычайно мрачным и даже ужасным»,— признается П. П. Семенов.

Внезапные выстрелы среди ночи усилили тревожное состояние в отряде: часовые видели при свете полной луны, что вверху пробирались два киргиза, сами сторожко обходившие русский отряд по головоломным кручам. Однако все равно было тревожно: киргизы могли предупредить о приближении к аулам русского отряда. И кто мог бы поручиться, что воинственные сарыбагиши не захотят воспользоваться теснинами ущелья для внезапного нападения на русских?

Миновав благополучно ущелье, отряд вышел к первому аулу, состоявшему всего лишь из пяти юрт. Мужчины тотчас ускакали на лошадях, а женщины и дети встали на колени и молили о пощаде. Петр Петрович успокоил испуганных киргизок, раздал небольшие подарки.

— Я еду в гости к вашему маналу Умбет-Али.

«Русский едет в гости!», «Приехал русский гость»,— понеслось по аулам.

Вскоре отряд вышел на равнину, усеянную юртами сарыбагишей и их огромными стадами. Пришлось выслать вперед четырех казаков, чтобы прокладывать путь отряду посреди табунов и стад.

Многочисленность сарыбагишских аулов устрасило казаков. Они даже стали «умолять» Семенова возвратиться назад, пока не поздно.

Но Семенов, с виду спокойный и уверенный в правоте своих слов, сказал им:

— Возвращаться в Верное через Кастекский перевал еще опаснее, чем пойти новым путем. Вперед!

Отряд двинулся за Семеновым. Вскоре путники заметили, как огромная, круглая юрта сама собою взбиралась по склону холма: спрятанные внутри юрты невольники манапа несли юрту для почетного гостя. Блеяли овцы, мычали коровы, ржали лошади, гарцевали степные наездники — вокруг Семенова шумела настоящая степная орда, такая же, как и те орды, которые, сливаясь, образовали в свое время полчища Темучина и Батыя.

Семенов знал, что, назвавшись гостем Умбета и будучи принят сарыбагишами, как гость, он может (в пределах аула) ничего не опасаться. Но все же часовые были расставлены.

Временем пребывания в аулах Умбета-Али путешественник воспользовался для того, чтобы разрешить одну из интереснейших географических, а вернее даже, палеогеографических загадок тех мест.

До поездки П. П. Семенова большинство европейских географов (в том числе и К. Риттер) были убеждены, что р. Чу вытекает из Иссык-Куля. Трудно было как-то представить себе, чтобы стремительная, горная река, прорвавшаяся с юга в Иссык-Кульскую котловину, не устремляясь к озеру, а в непосредственной от его глубокой впадины близости круто поворачивала бы в противоположную от озера сторону и пролагала себе путь сквозь теснины Боамского ущелья. Это казалось маловероятным, но Семенов смог убедиться, что именно так и было на деле:

«Чу, спускаясь с Тянь-Шанского нагорья, протекает мимо озера и едва-едва выше его уровня... Круто отворачиваясь от него, стремительно врывается в Буамское ущелье».

«На повороте Чу,— продолжает Семенов,— находится «саз» — болотистая, мокрая луговина, питающая слабый ручеек Кутемалды, текущий в Иссык-Куль. Насколько ничтожен этот ручеек — доказывает насмешливое назва-

ние, данное ему каракиргизами («замочишь то, на чем сидишь»).

«Географы полагали, что озеро Иссык-Куль имело сток,— пишет Семенов по этому поводу,— но этим стоком одни считали реку Чу, а другие, по распространенным Гумбольдтом сведениям, речку Кутемалды, которая якобы выходит из озера Иссык-Куль и течет далеко в степь».

Этот вопрос, живо интересовавший Семенова, «разъяснился» полностью. Путешественнику удалось объехать всю западную окраину озера, в том числе и ту заболоченную равнину, по которой медленно сочится р. Кутемалды. В итоге Петр Петрович пришел к твердому убеждению, что «озеро Иссык-Куль стока не имеет» и «в настоящее время не питает реки Чу». Река Чу образуется из рек Кочкора и Кебина. «Но если бы,— правильно замечает Семенов,— уровень озера повысился всего лишь на 15—20 метров, то река Чу сделалась бы стоком Иссык-Куля». Было ли так когда-нибудь? «Если и было, то очень-очень давно»,— решает исследователь.

Опираясь на сведения об озере, оставленные еще Сюань Цзаном (VII в.), Семенов заявляет, что «стока озеро лишилось уже очень-очень давно, потому что и во времена Хюан Цзана (Сюань Цзана) озеро было солоновато, как и теперь, значит давно не имело стока, иначе оно было бы пресноводно».

Из этих слов можно заключить, что открытие, сделанное молодым ученым, его не изумило, а, напротив, оказалось в полном соответствии с тем, что Семенов сумел извлечь из скупых записей, сделанных за 1200 лет до того, как нога европейского исследователя впервые вступила на берега великолепного озера.

Палеогеографическая загадка Иссык-Куля до сих пор остается неразгаданной географами. Едва ли можно сомневаться в том, что р. Кочкор (верхнее Чу) впадала в давние времена в ту реку, которая протекала в котловине между Терской-Алатау и Кунгей-Алатау, т. е. там, где ныне плещется Иссык-Куль. И. П. Герасимов в одной из своих последних статей опроверг доводы П. П. Семенова и Л. С. Берга, но остановился в решении загадки Иссык-Куля как бы на полпути. Однако приведенные И. П. Герасимовым новые данные вновь выдвигают на очередь проблему существования в прошлом прареки Средней Азии.

Весь район Иссык-Кульской котловины, как известно, относится к весьма активной сейсмической зоне. И. В. Мушкетову удалось видеть, как в 1889 году берега залива осели уступами (во время Чиликского землетрясения). Вся современная «ванна» озера образовалась на месте плоской (межгорной) аллювиальной равнины. До образования впадины (в результате катастрофического опускания) по этой равнине должна была течь река, принимавшая в себя многочисленные притоки (их более семидесяти). Одним из притоков этой реки была, конечно, и р. Кочкор.

Можно ли усомниться в тектоническом происхождении всей впадины? Образование впадины и нарушило нормальную гидрографическую сеть всей системы рек Тюп — Чу. Палеогеографическая загадка действительно требует своего разрешения.

Прав И. П. Герасимов, говоря, что «решение палеогеографической загадки, предложенное П. П. Семеновым, требует пересмотра».

Тюп, Джергалан, Кочкор и другие реки стекали в Иссык-Кульскую межгорную долину (задолго до образования озера).

Полноводная прарека, собиравшая свои воды со всех склонов Терской- и Кунгей-Алатау (т. е. воды нескольких десятков горных рек), прорывалась через Боамские теснины (прорыв был подготовлен сейсмо-тектоническими деформациями задолго до образования иссыккульской озерной «чаши»). Затем опустилось дно котловины, нарушена была нормальная речная сеть. Воды Тюпа, Джергалана и других рек котловины стали наполнять своими водами образовавшуюся впадину. Кочкор повернул к западу вследствие возможного понижения боамского базиса эрозии.

Летом 1955 года нам удалось не только побродить по тем местам, которые сто лет тому назад посетил П. П. Семенов, но и осмотреть с самолета всю равнину западного Прииссыккулья.

Палеогеографический ребус (Иссык-Куль — Чу) должен быть нами разгадан, тем более что «разумное вмешательство человека... с целью рационально использовать часть водной массы Иссык-Куля для увеличения гидроэнергетических ресурсов р. Чу», как справедливо говорит-

ся в статье И. П. Герасимова, «представляет собой весьма перспективную проблему».

Существует незаслуженно забытая гипотеза А. П. Чайковского, существуют его работы по «важной нивелировке в районе р. Чу», в которых автор-энтузиаст еще в 1908 году намечал пути разрешения этой «перспективной проблемы».

На обратном пути в Верное Семенов проехал километров 15 по северному берегу озера, а затем, повернув по долине одного из притоков древней прареки (Дюре-су), поднялся на Кунгей-Алатау, и с перевала он вновь залюбовался дивной панорамой:

«Трудно себе вообразить что-нибудь грандиознее ландшафта, представляющегося путешественнику с Кунгея через озеро на Небесный хребет. Темносиняя поверхность Иссык-Куля своим сапфировым цветом может смело соперничать со столь же синей поверхностью Женевского озера, но обширность водоема, который, занимая поверхность в 5 раз превосходящую площадь Женевского озера, казался мне с западной части Кунгая почти беспредельным на востоке, и ни с чем несравнимое величие последнего плана ландшафта придает ему такую грандиозность, которой Женевское озеро не имеет. Вместо непосредственно поднимающихся за вдвое менее широким Женевским озером предгорий Савойских альпов, совершенно закрывающих величественную группу Монблана, за широким Иссык-Кулем простирается обозримая по крайней мере на 200 верст своей длины непрерывная цепь Небесного хребта.

Резкие очертания предгорий, темные расселины пересекающих передовую цепь поперечных долин — все это смягчается легкою и прозрачною дымкою носящегося над озером тумана, но тем яснее, тем определительнее, во всех мельчайших подробностях своих очертаний, тем блестящее представляются на темноголубом фоне цветистого безоблачного среднеазиатского континентального неба, облитые солнечным светом седые головы Тяньшаньских исполинов» (3, стр. 213—214).

Так закончилось второе посещение П. П. Семеновым горного озера Иссык-Куль.

В укрепление Верное Семенов возвратился 1(13) октября. «Наступила глубокая осень 1856 года. Дальнейшие поездки во внутренность Тянь-Шаня в этом году уже

предпринимать было невозможно, и я должен был отложить их до начала лета следующего 1857 года; но первая цель моя была достигнута: я увидел Тянь-Шань во всем блеске его наружного вида, почти на 200-верстном протяжении, вдоль всего бассейна Иссык-Куля, до берегов которого я дошел на двух его оконечностях — восточной и западной» (5, стр. 181—182). Такими словами Петр Петрович сам подвел итоги своих поездок в Иссык-Кульскую котловину за первый, 1856, год своих тяньшаньских путешествий.

ПУТЕШЕСТВИЕ 1857 ГОДА

Новый, 1857 год П. П. Семенов встретил в Барнауле, где провел часть зимы 1856/57 г., занимаясь разборкой своих гербариев и геологических коллекций. В конце же зимы Семенов выехал в Омск для свидания с генерал-губернатором Г. И. Гасфортом, чтобы побеседовать относительно своего путешествия «в глубь уже открытого для научного исследования Тянь-Шаня».

Г. И. Гасфорт сочувственно относился к исследованиям Семенова в Заилийском крае, но был, как и другие, весьма осторожен в отношении восточных соседей России. В силу этого П. П. Семенов, как он пишет в «Мемуарах», не стал говорить подробно о своих планах и ограничился тем, что «испросил» у Гасфорта разрешения посетить озеро Иссык-Куль и соседние с ним горы, не упоминая имени Тянь-Шаня. Гасфорт категорически запретил Семенову переходить на левый (кокандский) берег р. Чу. Семенов охотно согласился на это ограничительное условие, тем более что оно его не стесняло. Еще в Верном ученый решил, что в 1857 году он начнет свои путешествия с восточной окраины Иссык-Кульской впадины, а не с западной.

Съехавшись в Семипалатинске с томским художником Кошаровым, Семенов вместе с новым своим спутником выехал в апреле в Заилийский край.

Степи Казахстана в их весеннем убранстве и особенно Приилийская равнина, показались Семенову сплошным цветником. Ботаник по специальности, он по собственному признанию, с трудом сидел в тарантасе, часто выскакивал из него и шел пешком целыми днями вдоль дороги по буйно цветущей степи, обогащая свой гербарий. Ботани-

ческими сборами в степях Семенов был весьма доволен: среди собранных им растений было много новых, не известных ботаникам форм.

Таким образом, путешествие 1857 года в Тянь-Шань, как и в 1856 году, начиналось издалека — от предгорий Алтая. В этом был свой смысл и своя прелесть — стена Небесных гор вставала пред ним, замыкая с юга просторы Степной Азии.

* *
*

Исходным пунктом для новой поездки на Иссык-Куль послужило для Семенова, как и в 1856 году, укрепление Верное. Новый начальник Заилейского края Перемышльский вполне сочувственно отнесся к планам П. П. Семенова. Он одобрил намерение путешественника выйти к восточной оконечности Иссык-Куля по знакомой уже дороге, дойти до северного склона Терской-Алатау (в 1856 году Семенов мог любоваться этим хребтом лишь издали) и взойти на один из перевалов.

— А как там, в Прииссыккулье, тихо,— спросил Семенов,— или попрежнему сарыбагиши теснят богинцев?

— Распри продолжают,— ответил Перемышльский.— Но теперь богинцы (они готовы просить нас о защите) пытаются оттеснить сарыбагишей из своих родовых кочевий.

И, помолчав, Перемышльский добавил:

— Я решил помочь богинцам. Но регулярных войск послать я туда не могу — опасаясь, что в Петербурге, да и в Омске, будут этим недовольны. Поэтому я предложил одному из султанов Большой Орды — Тезеку — выступить на помощь богинцам. Они обращались за помощью и к нам, и в Большую орду. Я думаю одновременно послать в район Иссык-Куля небольшой русский отряд. Если вы желаете...

— Такая комбинация меня вполне устраивает,— ответил Семенов. В душе он уверился, что при таких условиях он сможет проникнуть в горные дебри Тянь-Шаня.

29 мая 1857 года Семенов выступил из Верного со своим отрядом, в составе которого было 58 человек, 70 лошадей и 12 верблюдов. Одновременно двинулся к Иссык-Кулю и султан Тезек с отрядом в 1500 всадников-казахов.

По пути Семенов исследовал Иссыкское озеро, а также принял самое активное участие в съезде казахов Большой орды. Описание этого съезда — одни из лучших страниц его «Мемуаров». Дальнейший путь Семенова шел через Тургень — Асы — Чилик и перевал Турайгыр. С Турайгыра Семенов вновь увидел, как на далеком юго-востоке заблистала «своим сплошным покровом самая исполинская в Тянь-Шане группа Тенгри-Тага».

В пути, на левом берегу Чилика, произошла вторая встреча путешественника с султаном Тезеком (первое знакомство с которым состоялось еще на съезде казахов Большой орды). «Познакомившись обстоятельно с Тезеком, — пишет Семенов, — я скоро пришел к убеждению, что с таким союзником я, наконец, могу осуществить свою заветную мечту: проложить путь со стороны России в глубь Центральной Азии, в совершенно недоступные до тех пор для географической науки недра самой центральной из горных систем Азиатского материка — Тянь-Шаня».

Полторы тысячи всадников¹ Тезека были великолепным «фоном», на котором и небольшой русский отряд приобретал облик внушительной силы.

Слухи о приближении отряда и казахов султана Тезека летели, опережая их, к берегам Иссык-Куля. Сарыбагиши, опасаясь справедливого возмездия, поспешно очистили земли богинцев, бежали на западную окраину озера и даже далее, за Боамское ущелье, вследствие чего Семенов получил полную возможность беспрепятственно подняться на Терской-Алатау по Заукинскому проходу и выйти на сырты Нарына. Такова была одна из задач Семенова — дойти до истоков древнего Яксарта. (т. е. Сыр-Дарьи).

До прихода, вернее, до приближения русского отряда и войска Тезека положение богинцев было весьма критическим.

В декабре 1856 года сарыбагиши (в отсутствие Бурамбая, главы племени богинцев) ворвались в его аулы на реке Тюп, разгромили их и увели в плен одну из жен самого Бурамбая и трех жен Бурамбаевых сыновей. Бурамбай был вынужден откочевать на восток в долину реки Каркары (за перевал Санташ).

¹ По другим сведениям, у Тезека было не 1500, а 800 человек.

Видя слабость Бурамбая, весной 1857 года один из его вассалов, Салкала, поссорившись с Бурамбаем, решил отделиться от него, откочевать вместе со всем своим родом (кыдык) на сырты Нарына (верховья реки Сыр-Дарьи). Сарыбагиши, зорко следившие за раздорами в среде богинцев, пропустили кыдыков на сырты через перевал Заука, а затем внезапно напали на них, захватили весь их скот и табуны, а многих богинцев перебили. Лишь жалкие остатки трехтысячного рода кыдыков, спасаясь от сарыбагишей, горными дебрями возвращались с повинною к Бурамбаю.

Семидесятилетний манап, носивший китайский титул «князя», высокомерный Бурамбай (его до сих пор вспоминают киргизы в Прииссыккулье), прослышав о приближении русского отряда, выехал навстречу Семенову.

— Я — путешественник, — говорил Бурамбаю Семенов, — еду изучать Небесные горы. Со мною — художник. Он будет рисовать горы...

Но Бурамбай видел в Семенове не ученого, а представителя «русской силы».

«Поедет ли важный господин из далекой столицы для того, чтобы взглянуть на дикие горы?», думал Бурамбай. Он склонен был видеть в Семенове одного из тех посланцев России, на помощь которой только и оставалось ныне уповать Бурамбаю.

— Русский гость хочет попасть на сырты? Лучший путь к сыртам идет по Зауке... Русский гость (и начальник, думает Бурамбай) едет на Зауку? Отлично! Долина Зауки — любимые уголья Бурамбая. В долине Зауки у Бурамбая был даже свой небольшой сад, своя мельница. Бурамбай мечтает, что он сможет возвратиться в зеленую долину Зауки.

В ауле Бурамбая Семенов совместно со старым манапом и с султаном Тезеком обдумал свой первый маршрут 1857 года. Решено было пройти по южному берегу Иссык-Куля до долины Зауки (Джууки) и через Заукинский перевал подняться на сырты Нарына. Этот поход-путешествие Семенов должен был проделать с полусотней казаков и надежными проводниками-богинцами. А султан Тезек со своими джигитами брал на себя охрану кочевий старого Бурамбая. Путешествие Семенова на Зауку приводило Бурамбая в восхищение — с помощью русских он надеялся возвратить свои пашни и сады в долине Зауки, кото-

рыми он особенно дорожил. В благодарность Бурамбай безвозмездно предоставил в распоряжение Семенова нужное ему количество лошадей и верблюдов.

К СЫРТАМ НАРЫНА

9(2) июня Семенов выступил через перевал Санташ в глубь Тянь-Шаня (в отряде было: 49 казаков, 12 киргизов — проводников и погонщиков, 63 лошади и 12 верблюдов).

Перевал «Тысяча камней» (Санташ) отделяет бассейн Иссык-Куля от бассейна реки Или. С этим невысоким перевалом связана легенда об одном из походов Тимура. Рассказывают, что Тимур, отправляясь через Санташ во враждебную страну, вздумал «подсчитать» численность своего войска: каждому воину было приказано захватить на перевале камень и при переходе через перевал положить его в общую груду. Груда камней наглядно означала величину Тимурова войска. При обратном же переходе возвращавшимся было приказано взять из этой груды по одному камню: груда камней значительно уменьшилась. Пересчитав оставшиеся камни, узнали, сколько погибло воинов в этом походе.

От перевала вышли в верхнюю часть долины Тюпа. Но двинулись не к западу, не к берегам озера, как в 1856 году, а через невысокий кряж Кызыл-Кия перешли из долины Тюпа в долину Джергалана. В этой долине отряд Семенова повстречал толпу злосчастных богинцев, которые плелись в родные кочевья из сарыбагишского плена. Путешественники выделили беглецам часть своих запасов, так как пленники были доведены голодом до изнеможения.

По пути Семенов заглянул в живописную долину реки Тургень и в просвете этой типичной долины увидел «блестящую своими вечными снегами» горную «цепь Небесного хребта» (5, стр. 248), которую он принял за «главную». В это время Семенов еще не мог уяснить себе, что главный район Тянь-Шаня («Центральный Тянь-Шань») находится значительно восточнее.

Следуя вдоль склонов Терскея, Семенов заехал на горячие (целебные) ключи в долине Ак-Су, где ныне организован курорт. При посещении теплых ключей в долине Ак-Су Семенов рассчитывал отыскать образцы тех вулканиче-

ских пород, наличие которых подтвердило бы Гумбольдтовскую гипотезу о вулканическом происхождении Тянь-Шаня. Он тщательно обследовал и обнажения и валуны в русле, но «никаких вулканических пород не оказалось» (5, стр. 251. Разрядка моя — Н. Л.).

При выезде из ущелья Ак-Су Семенов, переводчик-казак и проводник-богинец наткнулись на шайку вооруженных всадников. В «Мемуарах» этот эпизод описан как «опасная» встреча с барантачами-сарыбагишами, которых, якобы, напугал вид приближающегося каравана и тем избавил Семенова от опасности. В первом же печатном отчете об этом эпизоде говорилось, что «тревога была напрасной», так как вооруженные всадники оказались отрядом Бурамбая.

Передохнув на берегу реки Каракола, отряд двинулся далее на запад, к Джеты-Огузу, где и расположился на ночевку.

«Вид с нашего ночлега к югу через ущелье Джеты-Огуза на Тянь-Шань был восхитительный. Белоснежный двурогий Огуз-баш замыкал долину на юге и имел сходство с горой Юнгфрау Бериских Альпов, но был еще оригинальнее и великолепнее как по своей форме, так и по своей белизне» (5, стр. 254).

П. П. Семенов проехал к югу, в ущелье, с целью отыскать следы вулканизма. В долине Джеты-Огуз так же, как и в долине Ак-Су, имеются термальные источники, но никаких вулканических пород и в долине Джеты-Огуза обнаружить не удалось. Так накапливались факты, опровергавшие представление Александра Гумбольдта о широком развитии вулканизма во Внутренней Азии.

Наутро путешественники перевалили через высокую предгорную гряду, сложенную, как ныне выяснено геологами, пестроцветными неогеновыми толщами, состоящими из зеленоватых песчаников с интереснейшими фигурными конкрециями, а также из мергелей и конгломератов. Передовая гряда эта носит название Оргорчор. Приближаясь к реке Чон Кызыл-Су (т. е. Большая Кызыл-Су), путники снова залюбовались видом на синее озеро и «на красивую бухту, защищенную косами», в которую впадали две реки: Большая и Малая Кызыл-Су. Ныне в этих местах расположено большое селение Покровка, а Семенов в своем дневнике отметил лишь наличие у дороги древних могил-курганов. За Малой Кызыл-Су путешественники достигли

Заукинской долины, по которой им предстояло подняться (впервые для европейского географа) «на главный гребень Тянь-Шаня». Долиною Зауки проходил древний путь из Семиречья в Кашгарию и в Фергану.

Встретившиеся Семенову в долине Зауки киргизы-богинцы, посланные Бурамбаем на разведку, сообщили, что опасный враг богинцев — младший манан сарыбагишского племени Тюрягельды хотя и похвалялся тем, что захватит в плен русского «большого начальника», т. е. Семенова, но сам поспешил откочевать «далеко-далеко» на запад. Это обрадовало Семенова — теперь он смог свободно заняться осмотром Заукинской долины.

Прежде всего внимание Петра Петровича привлекло урочище Кызыл-Джар, получившее свое наименование от огромного обрыва, состоявшего из красного песчаника с валунами. Эти толщи Семенов ошибочно принял за древний конгломерат озерного происхождения. Найдя это обнажение на значительной высоте, на расстоянии более двадцати километров от озера, Семенов сделал вывод о древнем, гораздо более высоком стоянии вод Иссык-Куля. Ныне геологами доказано, что подобные красноцветные толщи, характерные для всех впадин Тянь-Шаня, образовались не на дне водоема, а являются толщами субэврального происхождения (т. е. сложившимися под действием атмосферных факторов).

В Заукинском ущелье Семенов вспомнил и о своем далеком предшественнике — китайском путешественнике VII века Сюань Цзане. «Путь паломника шел через Тянь-Шань, вероятно по Заукинскому перевалу, спускался на южное побережье Иссык-Куля, по которому шел далее долиною через реку Барскаун, выходил к западной оконечности озера» и далее долиною реки Чу и за Боамским ущельем достигал верховьев реки Таласа, где находилась в то время ставка тюркского кагана (город Суяб). С этим предположением П. П. Семенова едва ли можно согласиться: Сюань Цзан проник в Иссык-Кульскую котловину значительно восточнее. Ошибочным нам кажется возникшее у него впоследствии предположение относительно того, что в местности Кызыл-Джар находился некогда крупный культурный центр племени джикиль. В 1857 году Семенов действительно видел здесь следы древних арыков и одичавшие деревья чьих-то садов. Но «крупным культурным центром», как нам кажется, Кызыл-Джар

никогда не был: слишком малы и тесны угодия Заукинской долины. Впрочем, это предположение у Семенова возникло позднее, в более ранних текстах статей его нет (нет этих соображений и в путевом дневнике).

От Кзыл-Джара Семенов двинулся вверх по Заукинской долине к заветному подъему на Терскей-Алатау. «Долина была широка и густо заросла прекрасным еловым лесом... Виды по долине были очаровательны. Впереди нас, прямо на юге, открывалась чудная группа снежных вершин (белков), отороченных снизу широкой каймой высокоствольных еловых лесов. Правее и левее этой группы белков приводили нас в восторг смелые скалистые гребни, состоявшие из сиенитовых зубцов и башен, на которых только кое-где лепился снег. В двух местах мы заметили отвесно низвергавшиеся с гор ручьи... Наконец, мы вошли в густые тенистые рощи хвойных лесов. Поразило меня в них количество молодой поросли, преобладавшей над старыми деревьями, как будто лес этот вырос недавно, чего доселе я не встречал в Азии» (5, стр. 259).

Заночевали путешественники на высоте 2360 м (все гипсометрические определения делались самим Семеновым). Наутро вступили в зону альпийских лугов и вскоре достигли альпийского озера с водой аквамаринового цвета. По озеру плавали крупные красноватые птицы — турпаны (*Casarca rutilla*).

Выше первого озера дорога стала очень трудной: долина оказалась заваленной грудami обломков, под которыми затерялась река. Когда же поднялись ко второму, верхнему альпийскому озеру, то открылся вид на выемку Заукинского горного прохода. На берегах верхнего озера разбили бивак.

На следующий день, 13(25) июня 1857 года, Семенову предстояло впервые подняться на водораздельный гребень и увидеть с него истоки древнего Яксарта (т. е. Сыр-Дарьи). Ни один географ-исследователь еще не был в этом районе! Подъем по тропе, и без того нелегкий, был затруднен страшным зрелищем: у самой тропы там и сям были раскиданы трупы лошадей, верблюдов, овец, рогатого скота и даже людей. В морозной атмосфере горных высот трупы хорошо сохранились, хотя побоище произошло здесь месяц тому назад (в мае 1857 года). Здесь на Заукинском перевале, сарыбагиши напали на злосчастных кыдыков. Лошади путников то и дело шарахались в

сторону, заведя сохранившийся труп животного. Бросилась в сторону и лошадь Семенова, при этом она сорвалась, и Петр Петрович уцелел лишь благодаря тому, что во-время успел соскочить. Пришлось пересест на запасную лошадь. На подъем пошли небольшим отрядом: Семенов, Кошаров, три казака и два киргиза-проводника.

Тропа стала настолько крутой, что пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Дышать было нелегко: разреженный на высоте воздух давал себя знать. Часто останавливались, чтобы перевести дыхание (высота Заукинского перевала, по измерениям Семенова, — 3380 м).

Наконец, добрались до вершины перевала. Неожиданное зрелище открылось перед Семеновым: «Горных исполинов передо мною уже не было, а впереди меня расстилалась волнистая равнина, с которой поднимались относительно невысокими холмами покрытые снегом вершины. Между ними виднелись зеленые озера, только отчасти покрытые льдом, а там, где льда не было, по ним плавали стаи красивых турпанов, поражающих своими блестящими металлическими, красными и синими цветами, напоминающими цвета райских птиц» (5, стр. 263).

Это и были сырты — обширное холмистое нагорье, покрытое альпийской растительностью: повсюду пестрели синие и желтые гентианы, белые и желтые лютики, бледнолиловые купальницы. Но основное внимание нашего путешественника привлекали лужайки, сплошь заросшие диким луком с золотистыми головками. Этот вид лука еще никем не был описан, но он был настолько характерным растением для Внутреннего Тянь-Шаня, что китайцы называли эти части страны Небесных гор — Цун-линь, т. е. Луковыми горами. Это новое растение, не известное до того ботаникам, получило имя Семенова — лук Семенова (*Alium Semenovi*). Всего на сыртах Семеновым было собрано около тридцати видов альпийских растений. Многие из них были найдены впервые.

Двинулись к югу по альпийским лугам, и часа через два путешественник увидел три озера, из которых реки текли далее к югу и, сливаясь вдали, образовывали большую реку, долина которой, вытянутая к западу, терялась в тумане. «Это и была река Нарын, верховье древнего Яксарта, на нижнем течении которого (Сыр-Дарье) Россия уже стояла твердой ногой» (5, стр. 264).

Однако спуститься к Нарыну Семенов не решился: лошади были измучены, да и отряд был мал — всего 6 человек. Основной же отряд был оставлен в долине Зауки, под перевалом. Поэтому, пробыв на сыртах часов пять, тронулись в обратный путь.

«День уже склонялся к вечеру, когда мы... вышли на «мертвое поле», засыпанное замерзшими трупами, между которыми были и человеческие», — вспоминает П. П. Семенов. — «Только тут я глубоко прочувствовал поэтическое обращение великого поэта Пушкина к подобной поляне со словами: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» (5, стр. 266).

Выйдя из долины Зауки к озеру, направились к Покровской бухте. Небольшой залив этот поразил путников своими рыбными богатствами: в прибрежных водорослях блистали на солнце чешуей огромные сазаны. И так как рыболовных принадлежностей в отряде не было, то казаки, войдя в воду, стали шашками рубить запутавшихся в траве сазанов. Часа через два было поймано 11 пудов рыбы, из которой на весь отряд сварили превосходную уху.

15 июня двинулись к востоку самым берегом Иссык-Куля. Внимательный осмотр гальки и валунов на побережье озера еще раз убедил Семенова в том, что ни одна из рек, стекающих в озеро с Тянь-Шаня, не приносит никаких обломков вулканических пород. Здесь же от проводника Семенов узнал, что в этих местах богинцами был найден «медный, очень древний по форме котел» и несколько медных орудий («повидимому, бронзового периода», добавляет Семенов). Находки эти были сделаны, вероятно, в районе современной Кой-Сары, где и в наши дни волны выбрасывают и металлические и глиняные сосуды.

Семенов расспросил киргизов об исчезнувших под водами озера селениях. Киргизы рассказывали, что они часто находят на берегу кирпичи от подводных строений. Киргизы указывали Семенову и на то место, где они видели на дне постройки (восточной, мелководной части озера).

Сопоставляя собственные наблюдения, рассказы киргизов и литературные данные (Араб-шаха и других авторов), Семенов пришел к выводу, что в восточной части озера некогда был остров, на котором действительно были постройки (XIV—XV вв.), и что остров этот вместе со

строениями погрузился в воды озера не ранее XIV века. Остров этот был, по мнению Семенова, наносный, сложенный рыхлыми толщами, лежавшими на подводном продолжении полуострова Кара-Бурун (Кара-Булун?). Самое имя этой местности «Кой-су» указывает на мелководье (Кой-су — баранья вода).

По долинам Чу, Иссык-Куля, Тюна в древности пролегли торные пути, по которым «переселялись» народы из Центральной Азии на запад. Китайские летописи повествуют о таких народах начиная со II века до н. э. Называли их китайцы юэджами, усунями, гуннами. В бассейне Иссык-Куля обитали усунь. Усунь занимались коневодством. Китайские императоры искали через послов союза с усунями против угрожающих Китаю гуннов. Отношения китайцев с усунями закрепились были тем, что в 107 году до н. э. одну из китайских принцесс выдали замуж за усуньского властителя. В стойбище усуньского правителя для его жены — китайской царевны — выстроили, согласно летописям, «город Красной долины» (Чу-гучин).

Обогнув озеро с востока, Семенов продвинулся на северное побережье озера. Береговая полоса северного побережья оказалась вполне схожей с тем, что видел Семенов и на южном берегу. Бивак был разбит у самого берега, и, когда Семенов с Кошаровым вышли утром из палатки, перед ними открылся «тот истинно феерический вид вдоль имеющего 170 верст длины и до 55 верст ширины озерного бассейна на юго-запад, от которого весь непрерывно белоснежный ряд тяньшаньских исполинов казался поднимавшимся из индигово-синей необъятной поверхности озера» (5, стр. 279). Художник сделал несколько этюдов карандашом и масляными красками.

Любуясь озером, Петр Петрович припомнил, что он видел на знаменитой Каталонской карте (в бытность Семенова в Италии) изображение озера Иссык-Куля. Согласно этой старинной карте на северном берегу озера находился монастырь несториан, основанный ими в XII веке. По предположению Семенова, монастырь несториан был расположен на берегу Курментинской бухты. Он сделал даже попытку отыскать развалины древних строений, но никаких следов монастыря не обнаружил.

18(30) июня была произведена экскурсия в ущелья Кунгея (по долине рек Шаты и Талды-Су). Здесь неужи-

данню путники паткнулись на шайку сарыбагишей. В шайке было человек 30; с Семеновым же было только 15 казаков. Столкнулись с барантачами внезапно, нос к носу, разминуться было невозможно, да и раздумывать было некогда. Пришпорив свою лошадь, Семенов поскакал навстречу барантачам. Лошадь «внесла меня в середину шайки, причем я успел только приготовить свой прославленный среди кара-киргизов револьвер», вспоминает Семенов, как сарыбагиши соскочили с лошадей и положили на землю свои кремневые ружья. Семенов думал, что барантачи приготовились к стрельбе по подбегающим казакам, но барантачи объявили, что они сдаются в плен.

И вот у пятнадцати русских неожиданно оказалось... тридцать пленных. Положение сделалось затруднительным. Взяв двух заложников, которых Семенов пообещал освободить, как только благополучно возвратится в аул Бурамбая, остальных барантачей он отпустил, взяв с них слово не нападать на богинцев.

На следующий день путники были уже в стойбище Бурамбая.

Киргизы встретили Семенова весьма радушно. Бурамбай был всем доволен — и тем, что ему вернули земли по Зауке, и тем, что возвращались пленные богинцы, а больше всего тем, что султан Тезек с его казаками обеспечивал безопасность богинских кочевий. Бурамбай благодарил Семенова и сказал, что у него есть еще два заветных желания — вернуть с помощью выкупа дорогих для него пленниц и стать со всеми богинцами подданными России. Петр Петрович согласился помочь ему и тотчас написал Умбет-Али, прося вернуть захваченных сарыбагишами жен самого Бурамбая и его сыновей.

— Что же касается вашего намерения перейти со всем вашим племенем в подданство России, — сказал Бурамбаю Петр Петрович, — то я обещаю поддерживать ваше ходатайство, когда возвращусь в столицу. Но для этого я должен познакомиться со всеми вашими владениями, чтобы рассказать обо всем в столице. И прежде всего я хочу побывать в истоках Кок-Джара и Сары-Джаса.

Бурамбай охотно согласился, и тем самым перед Семеновым открылась возможность пройти в сердце Тенгри-Тага.

НА КОКДЖАРСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Бурамбай, связавший столько личных своих надежд с успехами и благополучным возвращением П. П. Семенова в столицу, и на этот раз не поскупился на снаряжение путешественника. Он дал Семенову 70 хороших свежих лошадей, 10 верблюдов и 6 проводников.

«Восхождение на Тянь-Шаньские сырты убедило меня в том, что самая возвышенная часть Тянь-Шаня — многочисленные куполы этой великолепной крыши мира — находится значительно восточнее той местности, в которой я впервые взобрался на Тянь-Шаньское нагорье.

Вот почему второе свое восхождение на Тянь-Шань я решил предпринять в более восточном меридиане».

Но как было пробраться в дебри Тенгри-Тага? «Тщательные расспросы заставили меня выбрать путь по р. Каркаре, — говорит Семенов, — самый удобный из путей, приводящих к подножию величественнейшей в Небесном хребте горной группы Тенгри-Тага» (4, стр. 360).

24 июня (6 июля) Семенов выступил из аула Бурамбая, чтобы «во второй раз проникнуть в неведомую глубь Тянь-Шаня в направлении к самому высокому из его исполинов Хан-Тенгри». Вторая цель путешествия заключалась в том, чтобы достигнуть водораздела рек Или и Тарима.

От аулов Бурамбая путь Семенова лежал по Большой Каркаре и Кок-Джару (бассейн реки Или) к перевалу в долину Сары-Джаса. Конечно, и этот путь был нелегким, но когда перед глазами путешественника открылась панорама, все трудности были словно забыты.

«Прямо на юг от нас, — писал П. П. Семенов, — возвышался самый величественный из когда-либо виденных мною горных хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати. Весь этот хребет, вместе со всеми промежутками между горными вершинами, был покрыт нигде не прерывающейся пеленой вечного снега».

Запомним же эту дату — 8 июля (26 июня) 1857 года: в этот дефь впервые ученый-географ мог своими глазами созерцать те самые Небесные горы, о которых до того было известно лишь по рассказам путешественника-миссионера VII века Сюань-Цзана.

Перед глазами молодого Семенова предстали во всем своем величии снежные громады загадочного Тянь-Шаня.

Естественно, что путешественник прежде всего стремился разглядеть ту вершину, которую китайцы называли «Властелином неба» (Хан-Тенгри), или «Властелином горных духов», как толкует название вершины сам Семенов. И вот исследователь увидел: «Как раз посредине этих исполинов возвышалась одна, резко между ними отделяющаяся по своей колоссальной высоте, белоснежная остроконечная пирамида, которая казалась с высоты перевала превосходящей высоту остальных вершин вдвое... Небо было со всех сторон совершенно безоблачно, и только на Хан-Тенгри заметна была небольшая тучка, легким венцом окружающая ослепительную своей белизной горную пирамиду немного ниже ее вершины» (5, стр. 295—296).

В безоблачный августовский день и нам довелось быть на том самом Кок-Джарском перевале, откуда Семенов впервые увидел весь Центральный Тянь-Шань. Картина, открывающаяся с Кок-Джара, поистине, замечательна! Однако в описании Семенова есть некоторые неточности: во-первых, остроконечная пирамида Хан-Тенгри находится не посредине снежных исполинов, а значительно сдвинута к востоку (так видно с Кок-Джара, да так обозначено и на карте), и, во-вторых, за «небольшую тучку» на вершине Хан-Тенгри Семенов, очевидно, принял легкую поэмку, которая всегда крутится вокруг пика.

Побывав на многих тяньшаньских перевалах и попав после этого на Кок-Джар, невольно думаешь, что первый путешественник, имевший возможность совершать лишь «рекогносцировки», в область «загадочных Небесных гор», не мог выбрать лучшей точки для созерцания Центрального Тянь-Шаня, чем Кок-Джар.

С этого перевала виден весь Центральный Тянь-Шань от хребта Меридионального на востоке до западных отрогов хребта Куйлю. Отсюда видно, как весь Русский Тянь-Шань (от Шатра и Мраморной Стены до пика Сталинской Конституции) возносит к небу свои снежные купола, пики и башни. Путники могут без конца любоваться зрелищем всех крупнейших вершин Тянь-Шаня, в том числе и непокоренным еще пиком Победы (7439 м). Правда, Пик Победы с Кок-Джарского перевала не представляется грандиозно величественным, но Хан-Тенгри поистине царит над соседними вершинами. Пирамида Хан-Тенгри, как мы уже заметили выше, расположена не «посредине», а «сдвинута» влево, что и понятно, так как Хан-Тенгри является

одной из вершин того широтного горного хребта, что отходит от хребта Меридионального. В центре же панорамы, открывающейся с Кок-Джара, высится не Хан-Тенгри, а снежный пятиглавый массив (о нем мы еще упомянем в связи с рассказом о посещении Семеновым одного из сарыджасских ледников). Хан-Тенгри действительно возвышается над всеми снежными вершинами на «целую голову», и глаз наблюдателя невольно возвращается к его красивой пирамиде, сложенной желтоватыми палеозойскими известняками. Пирамиду Хан-Тенгри не назовешь белоснежной, она имеет цвет слоновой кости, желтизна которой как бы подчеркивается пятнами снега. Побывав на Кок-Джаре, поймешь, почему всего лишь десять лет тому назад узнали, что высочайшей вершиною Тянь-Шаня является не Хан-Тенгри, а пик Победы, который как бы теряется среди остальных снежных великанов. Хан-Тенгри же не спутаешь ни с одной из вершин — так впечатляюща его величавая пирамида!

Часа три пробыл Семенов на перевале. Проводники звали вниз — под выпуклою равниною Кок-Джара текла река Сары-Джас, вливающая свои воды в Ак-Су, приток Тарима.

Таким образом, подъемом на Кок-Джарский перевал обе географические задачи были решены — стоя на перевале Кок-Джар, Семенов созерцал Небесные горы во всем их величии, стремясь понять основные черты орографии Тянь-Шаня, и видел истоки реки, несущей свои воды во внутренние части Азии.

К ИСТОКАМ САРЫ-ДЖАСА

У подножия Тенгри-Тага, в долине Сары-Джаса, Семенов провел три дня. Вниз по Сары-Джасу он доходил до тех теснин, от которых в его времена дорога (верховая тропа) уходила в сторону и шла дальше через горы. Ныне дорога и ниже проходит долиною реки: отвесные скалы, переграждавшие ранее путь, взорваны.

Путь по Сары-Джасу, а затем через горы вел в бассейн Тарима, в Кашгарию. Семенов тщательно расспросил о нем и внес эти сведения в свой путевой дневник. Упоминает он и о перевале Чан-Ашу (через Терской-Алатау), где теперь проложена дорога, пригодная для автомашин, но Семенов замечает, что в его время этот перевал счи-

тался «очень трудным». Дни, проведенные Семеновым в верхнем течении Сары-Джаса, прошли в непрерывных поездках.

С целью определения высоты снеговой линии Тянь-Шаня Семенов поднялся до «вечного» снега по северному склону Сарыджасского хребта. Высоту снеговой линии Семенов определил в 3950 метров и, несмотря на сомнения европейских географов в правильности определений Семенова, сумел доказательно объяснить это явление для Тянь-Шаня.

Здесь же, в долине Сары-Джаса, Семенов имел возможность обогатить свои гербарии и видеть своими глазами то животное, которое многие зоологи считали легендарным.

В долине Сары-Джаса там и сям можно видеть и сейчас черепа баранов с громадными, завитыми рогами. Киргизы называют этих баранов кочкорами. О громадных горных баранах Средней Азии еще в XIII веке рассказывал «выдумщик» Марко Поло, но его рассказам, как известно, не верили. И только в первой половине XIX века английский путешественник Вуд нашел череп с рогами, подобными тем, какие описывал знаменитый «выдумщик». После этой находки зоологи поверили рассказу Марко Поло и даже назвали этот вид горного барана в честь венецианца бараном Поло (*Ovis Poli*). Однако ученые считали этот вид животных вымершим, подобно Стеллеровой морской корове. Семенову же удалось увидеть живых кочкаров — громадные бараны, как он убедился, не вымерли, а продолжали благоденствовать на альпийских пастбищах Тянь-Шаня. Нам также удалось видеть этих животных на Кок-Джарском перевале (август 1955 г.).

Но самым интересным явлением природы, которое удалось Семенову наблюдать в истоках Сары-Джаса, были ледники.

Уже с перевала Кок-Джара Семенов мог видеть тот крупный ледник Сары-Джаса, который впоследствии (в 1886 г.) был назван ледником Семенова. Но гораздо ближе к путникам, поднявшимся на Кок-Джар, прямо на юг от перевала, путешественник мог увидеть более приметную долину, в глубине которой красовался горный массив, сплошь одетый в снега (пик «5576 м»). Не этот ли массив и сползающие с него ледники привлекли внимание путешественника?

28 июня 1857 года Семенов двинулся к леднику. Но к какому же из двух, наиболее крупных? К сожалению, Семенов все истоки реки именует одинаково Сарыджасами. Имени реки Адыртор (левого истока) ни в «Мемуарах», ни в статьях-отчетах Семенова, ни в рукописных его дневниках мы не нашли. Нет в них и вполне точных указаний, к какому же из двух больших ледников решил пройти Семенов. Для нас, поскольку мы поставили своей задачей пройти всеми «маршрутами Семенова», этот вопрос не мог быть безразличен. Читая «Мемуары» мы уяснили себе, что путь П. П. Семенова к леднику (28 июня 1857 года) пролегал вначале по продольной долине, а затем путники вышли на Сары-Джас «уже в той верхней части его течения, где он еще не выбрался из поперечной долины» (5, стр. 301).

В дни странствий по Сары-Джасу в наших руках не оказалось подробной карты района. С нами была лишь небольшая альпинистская схема истоков Сары-Джаса (названия ледников на этой схеме не были указаны). Поэтому, следуя прямому смыслу текста «Мемуаров», мы стремились проникнуть из продольной долины в поперечную, т. е. к истокам левой вершины Сары-Джаса, другими словами, к истокам реки Адыртор. Но случилось так, что наш проводник пропустил поворот в «поперечную долину», и мы прошли к большому леднику, замыкавшему продольную долину. Этот ледник в 1886 году был назван ледником П. П. Семенова. И лишь на другой день, повернув вспять, мы вошли в поперечную долину и достигли ледника, названного в том же (1886) году ледником Мушкетова.

И здесь нами овладело раздумье — на котором же из двух ледников побывал П. П. Семенов: на леднике Семенова или на леднике Мушкетова? Мы надеялись найти прямой ответ на этот вопрос в рукописных дневниках Семенова (хранящихся в архиве ВГО) или в рисунках его спутника, художника П. М. Кошарова.

Вот что мы нашли в дневнике. Вечером 27 июня Семенов записал в своем дневнике: «Вблизи (со склонов Сарыджасского хребта.— *Н. Л.*) нигде не было видно, чтобы ледники спускались в долину, исключая ближайшей в е т в и Сары-Джаса» (т. е. Адыртора.— *Н. Л.*)¹ (см. 1,

¹ Все дальнейшее описание пути к леднику находится в полном соответствии с тем, что нам пришлось видеть в долине Адыртора.

стр. 234). А по записи следующего дня мы можем судить, что путники перебродили Сары-Джас, т. е. перешли на левый берег реки, чего не надо было бы делать, если бы они направлялись к леднику Семенова.

В долине же Адыртора стоило путникам завернуть за «выдающийся мыс», как перед ними открылась такая картина: «В голове главной долины ледник... Он спускался замерзшим потоком... Я едва верил своим глазам и направился к главному леднику, цели моего путешествия» (1, стр. 234 об., разрядка моя.— *Н. Л.*).

Далее на стр. 235 мы читаем: «Долина ледника есть боковая, не главная долина Сары-Джаса, идущая почти прямо с юга. ...В голове долины чудный блестящий белизною снежный белок, левее его два других». От мыса долина заворачивает к востоку (!). Во всю ширину она занята гигантским ледником, который не менее справедливо, чем ледник долины Шамуни, заслужил название «*Mer de glâces*»... Гипсометрическое определение для оконечности ледника дало 3220 м¹. Оконечность двух других ледников на той же высоте».

Сравнив дневниковые записи П. П. Семенова с нашими записями, сделанными на Адырторе, мы не сомневаемся в том, что П. П. Семенов побывал именно на леднике в долине Адыртора, т. е. на леднике, носящем имя И. В. Мушкетова.

Описание обратного пути Семенова от ледника еще более нас в этом убеждает: «29 июня пошли назад правым берегом... вышли на главную долину Сары-Джаса и переехали ее поперек. Долина шла с В-Ю-В из-под Хан-Тенгри (!). В голове ее находился колоссальный ледник» (ледник Семенова.— *Н. Л.*). Путники перебродили реку и «за рекою стали подниматься на самый перевал, ведущий с Сары-Джаса на Кок-Джар... С горы — чудесный вид на Хан-Тенгри и ледники» (1, стр. 236, об.). Все эти записи подтверждают, что П. П. Семенов был лишь на одном из сарыджасских ледников, а именно, на леднике Мушкетова. «Колоссальный» же ледник — ледник Семенова — он видел и с Кок-Джара и при подъеме на перевал на обратном пути.

В статье «Небесный хребет и Заилийский край», написанной более чем за тридцать лет до «Мемуаров» (см. 4,

¹ По определениям И. В. Игнатьева (1886), — 3350 м.— *Н. Л.*

стр. 365—367), мы находим прямое указание на то, что П. П. Семенов посетил в 1857 году именно ледник в долине Адыртора (т. е. ледник Мушкетова).

«Близ нашего привала долина Сары-Джаса, имеющая 1 версту шир., была направлена прямо от В. к З., но так как один из главных истоков Сары-Джаса лежал в поперечной долине... к Ю-Ю-В от нас, то мы должны были переправиться через Сары-Джас... и пошли к юго-востоку... вступили в настоящую альпийскую долину, имевшую версты три ширины» (долина Адыртора шире долины Сары-Джаса.— Разрядка моя.— Н. Л.).

Семеновское описание ледника (Ледяного моря) с «совершенно горизонтальною» поверхностью соответствует именно облику ледника Мушкетова. К таким же выводам приводит нас и анализ рисунков П. М. Кошарова.

«Я начал путешествие свое без всяких предубеждений, но, испытав необыкновенную сухость атмосферы, окружающей Небесный хребет... невольно усомнился в возможности существования в Тянь-Шане настоящих глетчеров,— писал в предисловии к «Землеведению Азии» Риттера П. П. Семенов.— Но сомнения эти скоро рассеялись. В истоках ветвистой речной системы Сары-Джаса открыл я пять прекрасных альпийских глетчеров» (т. 2, стр. 29).

Посещением ледника Мушкетова закончилось путешествие П. П. Семенова к истокам Сары-Джаса.

Поставив вопрос о возрасте Тянь-Шаня и обнаружив в известняках фауну каменноугольного периода, Семенов сделал правильный вывод о палеозойском возрасте Небесных гор (5, стр. 307).

На обратном пути Семенов спустился в долину Текеса, где им были обнаружены такие же толщи каменноугольных известняков и даже пласты каменного угля. Из долины Текеса путники перевалили в Каркару и возвратились в аул Бурамбая.

Однако успех последнего путешествия не успокоил Семенова. Два перевала, ведущих в Кашгарию,— Заукинский и Кок-Джарский он видел. Оставался непосещенным третий перевал — Музарт. И Семенов загорелся желанием хотя бы издали увидеть этот третий проход в Кашгарию.

Три дня двигался Семенов с небольшим отрядом к Музарту и уже был близок к цели. Но внезапно прискакал «весь в пене и пыли» гонец. Оказалось, что союзник русских, султан Тезек, захвачен одним из его завистников и

может быть выдан на расправу сарыбагишам. Семенов немедленно поспешил на выручку Тезека. Тезек был спасен (он бежал из плена), а враги Тезека вынуждены были склониться перед силою русских.

Оказавшись «волею судьбы» в одной из долин Кунгей-Алатау (Семенов называет этот хребет Ю ж н о й цепью Заилийского Алатау), Семенов еще раз взобрался на гребень Кунгея, чтобы с вершины Курментинского перевала бросить прощальный взгляд на Иссык-Кульскую котловину и на открытый им и уже не «загадочный» Тенгри-Таг.

Как только путники достигли Курментинского перевального гребня, ветер разметал снежные тучи и перед их глазами раскрылся обширный вид на южные склоны Кунгей-Алатау, на синюю гладь Иссык-Куля, на снежные цепи Тянь-Шаня.

«Внизу у наших ног расстилалась необъятная поверхность синего озера, знакомая нам Курментинская бухта, которая была отчетливо видна, как на рельефной географической карте» (5, стр. 324).

Это был и вправду прощальный взгляд первоисследователя на открытые им для науки страны.

П. П. Семенов навеки прославил себя своим единственным путешествием¹, за которое ему в 1906 году и была присвоена вполне заслуженно своеобразная фамилия — Семенов-Тянь-Шанский.

Все сказанное о неточности некоторых описаний в «Мемуарах» и об ошибочности некоторых выводов первого исследователя загадочного Тянь-Шаня ни в какой степени не умаляет заслуг П. П. Семенова-Тянь-Шанского, путешествие которого (в 1856—1857 гг.) было подлинным «открытием» гор Средней Азии для науки.

В заключение рассказа нашего о путешествиях Семенова еще раз припомним основные даты² и подведем итоги.

1856 год. Со 2 по 16 сентября. Первая поездка из Верного на восточное побережье Иссык-Куля и обратно.

9 сентября П. П. Семенов впервые «коснулся солоноватых вод» озера (на берегу Тюпского залива).

¹ Собственно в Прииссыккулье в 1856 году Семенов провел 6 дней (в два приема), в Прииссыккулье и Центральном Тянь-Шане в 1857 году — 6 недель. — Н. Л.

² Все даты приведены по старому стилю.

С 21 сентября по 1 октября вторая поездка из Верного на западное побережье Иссык-Куля (через Боамское ущелье).

1857 год. С 7 июня по 10 июля П. П. Семенов совершает свои поездки по Прииссыккулью и по Тянь-Шаню. В том числе:

С 9 июня по 20 июня по маршруту: Санташ — Ак-Су — Джеты-Огуз — Заукинская долина — Сырты — Покровская бухта — Кой-Сара — Курменты-Санташ.

13 июня П. П. Семенов достигает истоков Яксарта (Нарына — Сыр-Дарьи).

С 24/VI по 2/VII — совершает путешествие к ледникам Сары-Джаса.

26 июня — с Кок-Джарского перевала впервые видит Тенгри-Таг (Центральный Тянь-Шань).

28 июня — подымается на один из ледников Сары-Джаса, ледник Мушкетова.

29 июля 1857 года П. П. Семенов возвращается в Верное.

Главнейшими результатами знаменитого путешествия П. П. Семенова были:

1. Выяснение вопроса о происхождении Тянь-Шаня и об его геологическом возрасте. Вопреки представлениям А. Гумбольдта, П. П. Семенов пришел к выводу, что нет никаких оснований приписывать Тянь-Шаню вулканическое происхождение. Горные массивы Тянь-Шаня слагаются в основном осадочными породами палеозойского возраста.

2. Снеговая линия в Тянь-Шане проходит на высоте почти в 4000 метров; столь большая высота снеговой линии объясняется континентальностью климата.

3. В Центральном Тянь-Шане имеются крупные ледники, во всяком случае более значительные, чем в Альпах.

П. П. Семенов впервые ознакомил ученых с растительностью Тянь-Шаня, собрал образцы горных пород, указал на главные особенности орографии Небесных гор.

Повторив маршруты П. П. Семенова в Прииссыккулье и Тянь-Шане, а также проникнув в дебри Тенгри-Тага глубже, чем это удалось сто лет тому назад сделать П. П. Семенову, мы пришли к выводу, что маршруты Петра Петровича Семенова представляют собою удивительно интересный и по-своему вполне законченный комплекс.

За те считанные дни (в 1856 году) и недели (в 1857 году), которые были в его распоряжении, Семенов сумел увидеть и охватить своим зорким глазом замечательного исследователя четыре характернейших для Прииссыккулья и Тянь-Шаня типа местности.

Несколькими маршрутами он пересек хорошо орошенное восточное Прииссыккулье (первый тип) и сухое Прииссыккулье западное (второй тип).

Взобравшись впервые на гребень Терскея, П. П. Семенов ознакомился со столь характерными для Тянь-Шаня сыртами и дал их четкое и незабываемо яркое описание.

Поднявшись вторично на передовой хребет Терскей-Алатау (на перевал Кок-Джар), Семенов смог увидеть весь Центральный Тянь-Шань. Мне случилось подниматься в Тянь-Шане на горные перевалы более высокие, чем Кок-Джар, но ни с одного перевала нельзя увидеть Тенгри-Тага во всем его величии так, как с высокоподнятой равнины Кок-Джарского перевала. С Кок-Джара Семенов действительно мог обозреть все горные хребты Тянь-Шаня и постигнуть главные черты его орографии.

Если же мы добавим к этому, что на путях к «сердцу» Тенгри-Тага он во многих местах пересек и Кунгей-Алатау и Алатау Заилийский, то мы с полным правом можем называть его Семеновым-Тян-Шанским не только за огромные научные результаты его путешествий, но и за необычайно умелый выбор маршрутов. Ибо едва ли можно было в тех условиях, в каких сто лет тому назад пришлось передвигаться Петру Петровичу по «неведомому Тянь-Шаню», выбрать маршрут более удачно, нежели это было сделано нашим ученым. Ему удалось разом увидеть все характерные типы местности, не говоря уже о пройденных им и превосходно описанных вертикальных природных зонах Тянь-Шаня.

ЗАСЛУГИ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО ПЕРЕД РУССКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

«Понятно, что, когда мне впервые удалось в 1856 году заглянуть в этот неведомый край, поднять непроницаемую для того времени завесу, скрывающую снежные вершины Тянь-Шаня, я не мог не стремиться ближе к его вершинам», писал Петр Петрович.

Свое путешествие на Заукинский перевал и на Кок-Джар П. П. Семенов считал лишь рекогносцировками. Он возвращался с Тянь-Шаня в Петербург в твердом убеждении, что он только «приподнял непроницаемую завесу» и что при первой же возможности он должен продолжить свои географические исследования в стране Небесных гор.

Семенов возвратился в Петербург с готовым планом новой экспедиции во Внутреннюю Азию. Им намечался такой маршрут: перевалить от Иссык-Куля через Тянь-Шань к востоку от Заукинского перевала (возможно, через перевал Чон-Ашу), выйти к югу от хребта в Аксу и далее, следуя вдоль южного склона Тянь-Шаня, пройти до Кара-Шара, а оттуда через Тянь-Шань на Урумчи и на Кульджу. Таков был основной маршрут будущей экспедиции.

На тот же случай, если «неодолимые препятствия» помешают его выполнить, то исследовать Тянь-Шань от перевала Музарт (на востоке) до западной оконечности Иссык-Куля. Это второе путешествие было намечено Семеновым на 1860—1861 годы.

По возвращении своем в Петербург поздней осенью 1857 года Семенов предполагал вплотную заняться научной обработкой материалов, собранных им в 1856 и 1857 годах, при том условии, что Географическое общество обеспечит печатание его работ. Но необходимых сумм на издание больших монографий у Общества не оказалось, да и относительно средств на задуманную экспедицию тогдашний вице-президент Общества не мог сказать Семенову ничего положительного.

Столь неопределенное положение для натур деятельных, к которым принадлежал и Семенов, — нестерпимо.

Вот почему на другой же день после фактического отказа в средствах на экспедицию со стороны Ф. П. Литке П. П. Семенов дал согласие на свое участие в другом деле, которое он считал не менее важным.

Замечено кем-то было, что любовь Семенова к природе сделала его путешественником, а его любовь к людям сделала его общественным деятелем. Есть что-то удивительно схожее в судьбе двух мальчиков, проводивших свое детство в дворянских усадьбах: Петра Петровича Семенова и автора «Записок охотника» Ивана Сергеевича Тургенева. И тому и другому на долю выпала участь быть близким свидетелем тягостной жизни исправных крепостных. И если Петр Семенов и не давал, подобно Ивану Тургеневу,

«аннибаловой клятвы», то, будучи русским, любя Россию, юноша должен был ненавидеть величайшее зло тогдашней России — крепостное право. И вот с марта 1859 года молодой Семенов становится одним из активнейших деятелей крестьянской реформы 1861 года. Ему помогло при этом знание деревни, знание России (молодой Семенов пешком прошел из Петербурга в Москву по маршруту Радищева), хорошее знание родной Рязанщины и придонских степей, которые он исходил в качестве ботаника.

П. П. Семенов, по словам Н. А. Северцова, «выбыл... из строя русских путешественников в Центральную Азию», но Семенов тогда же принял твердое решение «всячески содействовать исследованиям в Центральной Азии», всемерно «добиваться снаряжения экспедиций».

И почти полвека П. П. Семенов не покладая рук работал, чтобы всемерно развить то дело, которому он положил начало своим путешествием в Тянь-Шань ровно сто лет тому назад. В этом отношении у Семенова не было предшественников и не было равного ему по умению и энергии организатора экспедиций.

Почти каждый из следовавших за Семеновым в Среднюю и в Центральную Азию путешественников шел на свой научный подвиг, напутствуемый тем, кого, по всей справедливости, можно назвать «отцом русской географической науки».

Путь Семенова-путешественника краток, но путь Семенова-Тянь-Шанского как вдохновителя и друга многих и многих путешественников — это целая эпопея. Справедливо говорилось, что Русское географическое общество и Петр Петрович — это одно и то же. Многообразной была научная деятельность Семенова: он был ботаником и энтомологом, геологом и географом, крупнейшим статистиком и специалистом по районированию. Но, «если бы к Петру Петровичу обратились с вопросом, какой он из Семеновых — географ, геолог, статистик, знаток живописи или государственный деятель, — он, я уверен, — говорил академик Л. С. Берг, — ответил бы, ни минуты не колеблясь: географ. Ибо география, без сомнения, была его истинным призванием, и этой своей специальностью он неизменно служил на всех своих разнообразных поприщах».

«Бывают три типа географов: путешественники, страноведы и организаторы. Петр Петрович был и тем, и другим, и третьим».

Доброжелательное внимание к людям, умение понять их, отгадать в человеке будущего исследователя были в высшей степени присущи Петру Петровичу. Эти черты проявились в нем на первых же порах его деятельности как географа. В известной степени к «результатам» его путешествий 1856—1857 годов можно отнести и «открытие» им двух молодых людей, которые оба должны быть причислены нами к славной «могучей кучке» русских исследователей Азии.

Благодаря Семенову уже в 1858 году молодой казах Чокан Валиханов становится настоящим путешественником. Напутствуемый Петром Петровичем, Чокан Валиханов с успехом проник в тот самый Кашгар, где сложил на плахе свою голову Адольф Шлагинтвейт, проник и в «Коканию» задолго до ее присоединения к России. Только ранняя смерть от скоротечной чахотки помешала дальнейшему научному росту и успехам Ч. Валиханова, первого исследователя из среды казахов.

Зато другой молодой человек, из числа «открытых» Семеновым» Григорий Потанин, прожил до глубокой старости, сделался благодаря неустанным заботам и поддержке П. П. Семенова-Тян-Шанского одним из крупнейших исследователей Внутренней Азии.

О том, чем был П. П. Семенов для молодых людей, вступавших на путь подвижнического служения науке, мы можем уяснить себе из нескольких строк письма Г. Н. Потанина к П. П. Семенову-Тян-Шанскому. Вот эти строки:

«Благодарю Вас за старое добро, за ту интересную, завидную для других и, сознаю, незаслуженную мною жизнь, которую Вы мне создали, за то, что Вы доставили мне великое счастье работать в ряду русских путешественников в светлую эпоху необыкновенного разгара среднеазиатской деятельности руководимого Вами Географического общества.

Назвав меня своим спутником, Вы подняли во мне гордое чувство», — заключал Потанин.

В своем письме Г. Н. Потанин, упомянув о словах Н. А. Северцова, который сожалел, что «Петр Петрович утрачен для науки» (Северцов имел в виду работу Семенова как передового государственного и общественного деятеля), писал П. П. Семенову:

«Вы были отвлечены от ученой карьеры великим политическим предприятием — освобождением рабов, и свои

азиатские планы выполнить представили другим; кусочек Вашей азиатской программы Вы предоставили и мне...»

Этими словами Г. Н. Потанин проникновенно высказал те чувства и те мысли, которые рождались не только в уме, но и в сердце многих и многих. Едва ли не каждый из русских путешественников — исследователей Внутренней Азии испытывал гордое чувство, сознавая себя «спутником Семенова», продолжателем его великого дела, каждый ощущал кровную связь свою с первоисследователем Тянь-Шаня.

Н. М. Пржевальский и М. В. Певцов, П. К. Козлов и В. И. Роборовский, Г. Н. Потанин и Г. Е. Грумм-Гржимайло, И. В. Мушкетов и В. А. Обручев шли по путям Семенова. Всем им помогал, всех их наставлял, всех их напутствовал и, радуясь их успехам, первым встречал Петр Петрович Семенов. Это он создал ту «могучую кучку» русских исследователей-путешественников, которые на весь мир прославили отечественную географическую науку.

Исследование Внутренней Азии было важнейшим в те времена делом русских географов. Их трудами, начиная с далеких предков наших — Афанасия Никитина, Николая Спафария, Иоакимфа Бичурина, было положено начало тому важному делу сближения народов России с народами Восточной и Южной Азии, которое ныне вылилось в форму великой и нерушимой дружбы народов нашей страны с народами Китая и Индии. В основании этой дружбы, этого глубокого взаимного понимания лежит огромный, полувековой труд того замечательного сына России, кого мы зовем Семеновым-Тянь-Шанским.

ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Семенов П. П. Дневники путешествий 1856 и 1857 годов. Рукопись. Архив ВГО.
2. Семенов П. П. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет до верховья р. Яксарта или Сыр-Дарьи в 1857 г., «Вестник РГО», ч. 23, СПб, 1858.
3. Семенов П. П. Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 году, «Записки РГО по общ. геогр.», т. 1, СПб., 1867.
4. Семенов П. П. Небесный хребет и Занлийский край, «Живописная Россия», т. X, стр. 333—376.
5. Семенов П. П. Путешествие в Тянь-Шань. Мемуары, т. II. Географгиз, М., 1948.
6. Семенов П. П. Мемуары, т. I. Детство и юность. П., 1917.
7. Берг Л. С. Озеро Иссык-Куль, «Землеведение» 1904, т. 11, кн. 1—2.
8. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий, АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 320—328.
9. Герасимов И. П. Палеогеографическая загадка Иссык-Куля. Сборник «Географические исследования в Центральном Тянь-Шане», АН СССР, М., 1953, стр. 69—83.
10. Иванов Д. Л. Солдатское житье, 1875.
11. Кошаров П. М. Рисунки по Тянь-Шаню и Алтаю, (Архив ВГО).

Николай Иванович Леонов

ПЕТР ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

Редактор *Г. П. Богоявленский*
Художник *Е. К. Аргутинский*.
Художественный редактор *В. Г. Петухов*.
Технический редактор *Н. И. Ногина*.
Корректор *П. И. Чивикина*.

№ Т00609. Сдано в производство 24/X-1956 г. Подписано в печать 9/I-1957 г. Формат 84×108¹/₃₂. Физических листов 1,5. Печатных листов 2,46. Издательских листов 2,5. Заказ № 2394. Тираж 50.000. Цена 75 коп.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15, Географгиз

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54, Валовая, 28.